

Кислый, горький, острый, соленый — этот вкус оказался еще более неопишуемым, чем все, что Ли Сую довелось испробовать за предыдущие двадцать с лишним лет жизни. Тем не менее он ответил:

— Неплохо.

Чжу Яньинь заинтересовался:

— Правда? А я ведь наобум всего набросал.

Он тоже взял ложку, зачерпнул побольше бульона, сделал приличный глоток — и лицо его тут же застыло.

Ли Суй насмешливо взглянул на него.

Чжу Яньинь лишился дара речи.

«Нет, выплевывать нельзя. Ученому мужу негоже терять лицо».

И он с трудом сглотнул.

Ли Суй рассмеялся так, что у него едва слезы не выступили на глазах. Он отложил палочки. Его веселье было настолько искренним, что Чжу Яньинь невольно заподозрил, уж не явятся ли в следующую секунду сразу десять хромых Лу Цингов.

Хозяин лапшичной подумал: «Картина была жуткой до невозможности. Не будь я так беден, давно бы бросил эту лавочку и сбежал на край света».

Но бедствовать ему оставалось недолго: на деревянную столешницу с тихим стуком упал и покатился, поблескивая, крошечный драгоценный камень.

— Будьте добры, сварите еще пиалу, — попросил Ли Суй.

— Нет-нет-нет, лучше две, — вмешался Чжу Яньинь.

Его кулинарные способности и впрямь оставляли желать лучшего. Ли Сую определенно не стоило это есть — не дай бог разболится живот, тогда все понесут невосполнимые потери.

Скамья у лавочки была узкой, так что сидеть приходилось вплотную друг к другу. Чжу Яньинь попросил еще чайник горячей воды, собираясь ополоснуть посуду, но Ли Суй перехватил рукоять:

— Осторожно, горячо. Давай я.

Их ладони соприкоснулись, и атмосфера мгновенно сделалась двусмысленной. Хотя Второй молодой господин Чжу перечитал бесчисленное множество приключенческих романов, его обычно привлекали лишь сцены кровавых сражений и интриг. Любовные ласки и нежные воркования великих злодеев с прекрасными девами его мало интересовали. Теперь же, когда пришло время применить знания на практике, он с досадой понял, как мало читал о подобном, и замялся, не зная, что делать дальше.

Ли Суй накрыл его руку своей, поднял чайник и принялся омыwać посуду кипятком. Вид у него при этом был совершенно невозмутимый.

Чжу Яньинь подумал: «Оказывается, можно и так. Буду знать».

Вода была обжигающей, ладонь — тоже. Чжу Яньинь отвернулся, изо всех сил стараясь казаться равнодушным. Юноша еще не успел повидать мир, так что для него было немалым достижением просто сохранить самообладание. По крайней мере, он не залился краской и по-прежнему выглядел бледным и спокойным.

— О чем ты думаешь? — спросил Ли Суй.

— О Лю Сияне, — без раздумий ответил Чжу Яньинь.

— Мои люди не спускают с него глаз. — Ли Суй отпустил его руку и аккуратно расставил посуду. — Ты и завтра собираешься к нему?

— Да, — кивнул Чжу Яньинь. — Все равно мне делать нечего. Что он сам, что те, кто за ним стоят — если удастся вытрясти из них хоть какую-то пользу, это уже хорошо.

— Раз уж он может тебя развлечь, запишем это ему в заслуги, — произнес Ли Суй.

«Какое уж тут развлечение!» — мысленно возмутился Чжу Яньинь. Сидеть наедине с Лю Сияном было смертной тоской. Ему приходилось без конца выдумывать темы для разговора, и за несколько часов он стирал язык чуть ли не до крови.

— Тогда не разговаривай с ним, — посоветовал Ли Суй.

— Не разговаривать?

— Какова твоя цель?

— Сделать так, чтобы все поняли: я слежу за Лю Сияном.

— Зачем тогда вообще вести беседы?

Чжу Яньинь задумался. А ведь и правда.

— Да, я понял.

Ли Суй слегка улыбнулся и протянул ему палочки.

Прижавшись друг к другу, они доели лапшу. Было ли вкусно — история умалчивает.

Когда они вернулись в обитель, была уже глубокая ночь. Ли Суй проводил Чжу Яньиня взглядом до двери, но сам сна не чувствовал ни в одном глазу. Он немного посидел у себя, а затем снова вышел на улицу.

Чжу Сяосуй вытер мокрые волосы Чжу Яньиня полотенцем и помог ему переодеться в мягкое ночное одеяние.

— Молодой господин в последнее время совсем перестал брать меня с собой, — проворчал он.

— А разве плохо? — Чжу Яньинь лениво растянулся на столе. — Можешь спокойно отдохнуть.

— Не нужен мне отдых, я хочу повсюду следовать за вами, — с тревогой возразил Чжу Сяосуй.

— На улице такое творится, а вы все время куда-то ходите.

— Я хожу с Владыкой дворца Ли, — ненавязчиво похвастался Чжу Яньинь. — Пока он рядом, никто не посмеет меня тронуть.

Чжу Сяосуй искренне не понимал, откуда взялась подобная уверенность. В его глазах Владыка дворца Ли сам по себе был опаснейшим человеком во всем Цзянху. Как только молодой господин умудрялся чувствовать себя рядом с ним в безопасности?

— Ступай спать, — сказал Чжу Яньинь, присаживаясь на край постели. — Завтра пойдешь со мной к Лю Сияну.

Чжу Сяосуй послушно кивнул. Прежде молодой господин лишь скупал драгоценные мечи да читал романы, и то старый господин со старшим молодым господином изводились от головной боли. Узнай они, что теперь он каждый день возвращается среди орденов Цзянху, верно, триста раз вздохнули бы к небесам.

Эх.

Чжу Яньинь забрался под одеяло, но сон не шел. Мысли путались, а в жилах бурлила горячая кровь.

Вдруг из-за двери донесся голос стражника:

— Владыка дворца Ли, молодой господин уже почивает.

— Я не сплю! — крикнул Чжу Яньинь.

Стражнику оставалось лишь промолчать.

Чжу Яньинь поспешно вскочил с постели, наспех перевязал волосы лентой, поправил воротник и только после этого с самым невозмутимым видом отворил дверь:

— У тебя какое-то дело ко мне?

Ли Суй кивнул:

— Да.

Чжу Яньинь отступил в сторону, впуская его в спальню, и закрыл за ним дверь.

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Ли Суй.

— Оу.

Зачем тогда приходить среди ночи?

Он стоял у стола в своей молочно-белой ночной рубаше. Без привычных струящихся одеяний он лишился дневного лоска и изящества, казался более хрупким и домашним. Время для жаровен еще не пришло, так что в комнате было прохладно. Стоило Чжу Яньиню чихнуть, как его тут же подхватили на руки и перенесли на кровать.

— Спи, — велел Ли Суй.

— А ты? — спросил Чжу Яньинь.

Ли Суй сел на край постели:

— Я побуду здесь.

Второй молодой господин Чжу насторожился. «Так я вообще не засну! Да и спать нельзя: вдруг я скриплю зубами, храплю или сбрасываю одеяло во сне? Как же тогда мое благородное достоинство и безупречные манеры?»

Поэтому он предложил:

— Давай я расскажу тебе о Лючэне?

Ли Суй кивнул:

— Хорошо.

Цзяннань, где на рассвете речные цветы алеют ярче пламени... Укутавшись в одеяло, Чжу Яньинь увлеченно говорил о мощных улочках, о живописных видах озера Сиху, о вкусе тушеных мясных шариков «львиная голова» и супа с водяным щитолистником. Вспоминал он и о празднике фонарей, когда юноши и девушки наряжаются в свои лучшие одежды и выходят на гулянья в надежде встретить суженую или суженого.

— Ты ходил туда? — спросил Ли Суй.

Чжу Яньинь, словно совсем разомлев от сна, пробормотал:

— Не ходил... Старший брат не пускал. Давай ты меня когда-нибудь сводишь.

Ли Суй потушил светильник у изголовья кровати и еще некоторое время молча сидел в темноте, прежде чем подняться и уйти.

Чжу Яньинь облегченно вздохнул про себя: «Притворяться спящим — сплошное мучение! К счастью, я все это время лежал в исключительно изящной позе».

На следующее утро Ли Суй снова отправился в горы на поиски Пань Цзиньхуа. Чжу Яньинь же вместе с Чжу Сяосуем привычной дорогой направился в Усадьбу Лю.

Лю Сиян, казалось, пребывал на грани полного отчаяния: при ходьбе его пошатывало из стороны в сторону.

Ученик поспешил сказать:

— Сяо Инь, молодой господин и правда неважно себя чувствует.

— В таком случае скорее помогите ему лечь в постель и отдохнуть, — выразил крайнее сочувствие Чжу Яньинь. Но сочувствие сочувствием, а уходить он даже не собирался.

Лю Сиян с землистым лицом пролежал в постели весь день.

А Чжу Яньинь все это время с увлечением предавался каллиграфии и живописи прямо у него в спальне, не издав ни единого лишнего звука. Он удалился лишь к ужину, оставив на столе грудку свитков — якобы для того, чтобы брат Лю мог ими полюбоваться на досуге.

Вскоре слухи об этом разошлись повсюду, вызвав жгучую зависть у других орденов. Во-первых, Усадьба Чжу действительно пользовалась невероятным почетом, а во-вторых, работы Второго молодого господин Чжу ценились на вес золота — говаривали, что каждое его слово стоит целого состояния.

Глава Усадьбы Лю, прослышав об этом, лично пришел расспросить племянника:

— Когда это ты успел сойтись с Усадьбой Чжу?

— Нет у нас никакого согласия, — раздраженно отозвался Лю Сиян, мучаясь от дикой головной боли. — Должно быть... должно быть, он прослышал о моей любви к древностям, вот и заглядывает поболтать, когда есть свободная минутка.

— Раз так, твое разорительное увлечение хоть какую-то пользу принесло, — заметил старейшина Лю. Он дал племяннику еще несколько наставлений, сводившихся к тому, чтобы тот не упускал возможности наладить связи с Усадьбой Чжу. Лю Сиян рассеянно соглашался, чувствуя, как внутри нарастает глухая тревога.

Тем временем за пределами города ученики Дворца Ваньжэнь и Зала Тяньчжу прочесывали окрестности.

Лань Янь спросила:

— Владыка дворца, не мог ли Пань Цзиньхуа сбежать куда-то еще?

— Его верхняя одежда осталась висеть на ветках в лесу, так что на нем сейчас в лучшем случае одни штаны. Если бы он побежал прочь, то даже передвигаясь под покровом ночи, непременно привлек бы чье-то внимание. Раз известий нет, значит, он все еще в горах, — ответил Ли Суй.

— Ищите. И, как и прежде, постарайтесь сохранить ему жизнь.

— Слушаюсь, — отозвалась Лань Янь. Ей и самой хотелось завершить поиски до того, как несчастный лишится последних штанов, поэтому она повела десяток учеников выше по склону.

В мрачном, скрытом от солнца ущелье на земле сидел Пань Цзиньхуа. Краснота в его глазах немного спала, но дыхание оставалось тяжелым.

Напротив него высился мужчина в серебряной маске с тремя узкими прорезями для глаз, придававшими ему зловещий вид.

— Ты... ты ведь обещал совсем другое, — с трудом выдавил Пань Цзиньхуа.

<http://bllate.org/book/18290/1754144>